

RU

Вечные образы в романе Д. Юлтыя «Кровь»

Ахмадиев Ф. В.

Аннотация. Цель исследования: раскрыть образы ада и рая в контексте архетипов башкирского сознания на примере романа Даута Юлтыя «Кровь». Научная новизна работы заключается в комплексном изучении двух пластов архетипов башкирского мировоззрения: языческого и мусульманского, – которые стали средствами воплощения художественной картины мира Даута Юлтыя. Полученные результаты впервые доказывают, что в указанных конкретных эпизодах романа «Кровь» раскрывается тайнопись архетипов в сознании автора произведения. Тем самым опровергаются высказывания некоторых исследователей об одноплановости данного романа.

EN

Eternal Images in D. Yulty's Novel "Blood"

Ahmadiev F. V.

Abstract. The purpose of the study is to shed light on the images of hell and paradise in the context of archetypes of the Bashkir consciousness, using the novel "Blood" by Daut Yulty as an example. Scientific novelty of the work lies in undertaking a comprehensive study of two layers of the Bashkir worldview archetypes, pagan and Muslim, which became means for embodying Daut Yulty's artistic view of the world. The attained results for the first time prove that the specified episodes of the novel "Blood" reveal secret writing of archetypes in the mind of the author of the work. Thus, statements of some researchers about one-dimensional nature of this novel are refuted.

Введение

Роман башкирского классика Даута Юлтыя «Кровь» имел трагическую судьбу, как и сам автор: они вместе подверглись репрессиям в 1937 году. Юлтыя имел замысел написать трилогию и к моменту ареста завершил вторую книгу романа, но был расстрелян в 1938 году вместе с большой группой башкирской интеллигенции. Оригинал второй книги был утерян при аресте, но чудом сохранился – в переводе на русский язык.

Актуальность исследования связана с новым прочтением романа как отпечатка башкирского менталитета той эпохи. Без нового подхода к изучению творчества Даута Юлтыя литературоведение не может справиться с раскрытием духовных поисков автора. Изучение влияния архетипов сознания на творческий процесс писателей весьма перспективно и способно раскрыть скрытую прежде основу возникновения художественных образов в литературе.

Цель исследования определила следующие задачи: во-первых, прояснить авторский замысел, отражающий своеобразие творческого мышления писателя, во-вторых, расшифровать тайнопись архетипов сознания, в-третьих, установить наличие конфликта в пластах сознания автора.

Для решения задач исследования применялся комплексный метод исследования литературы.

Теоретической базой статьи являются труды литературоведа Г. Б. Хусаинова [6], исследовавшего биографию и творческий путь Д. Юлтыя, и психолога К. Г. Юнга, который описал архетипы [10].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его основные выводы могут быть использованы при разработке курсов, посвященных творчеству Д. Юлтыя, а также в изучении других произведений литературы.

Два пласта башкирского мировоззрения

Мировоззрение башкирского народа, его духовность, менталитет долгими веками складывались в основном из двух начал. Первый важный пласт башкирского сознания связан с устным народным творчеством и имеет глубокие корни, идущие от синкретического мировоззрения, древних религиозных представлений,

таких как зороастризм, тенгрианство и др.; поэтому назовем его башкирским язычеством или башкирским мифологическим сознанием. Оно тесно связано с местным ландшафтом и природой края. Второй важный пласт, составляющий духовность народа, связан непосредственно с мусульманской религией и арабской письменностью. Известно, что башкирское язычество имело древнюю руническую письменность, а ислам бытовал также и в устной форме. Важно, что оба пласта занимают в мировоззрении народа одинаково важные позиции, во многих случаях накладываясь друг на друга.

Языческая картина мира, восстанавливаемая по мифологии, во многом совпадает с мусульманской. Например, если в башкирской мифологии существовало деление мира на три уровня: небо, земля, подземное или подводное царство, – то и в исламе есть трехмерное пространство: на небе, на земле, под землей или в ином, неземном мире. Именно поэтому одни архетипы сознания легко накладываются на другие. В свою очередь ислам среди башкир имеет свои национальные особенности. Башкиры-мусульмане, живущие в тесном контакте с природой, продолжают одновременно поклоняться духам лесов, озер, гор, рек и т.д. С развитием новой системы письменности и образования наблюдалось движение пластов сознания. Остатки древних языческих культур и обрядов из религиозной сферы смещались в поэтическую, переходили в фольклор. Например, этнограф А. Ф. Илимбетова указывает в своих трудах: «Хумай в народном творчестве башкир характеризуется как мифическая птица – лебедь неземного мира, обладающая даром перевоплощения» [4, с. 56]. Как известно, Хумай – дочь царя птиц Самрау и Солнца, которая может принимать облик прекрасной девы [2, с. 277, 366].

В результате Октябрьской революции исламская религия была изолирована от жизни общества. Это неизбежно отразилось на сознании народа. Благодаря воспитанию любви к родному краю языческие архетипы стали играть новую роль. Идеи коммунизма, мечта о справедливом и гуманном обществе легко находили отклик в душах людей, подготовленных мусульманской проповедью о равенстве.

В последнее время в связи с возвращением к забытым духовным ценностям: к мусульманской религии, устному народному творчеству наблюдается одновременно процесс возрождения язычества в сознании башкирского народа. Весь этот сложный комплекс мировоззрения продолжает развиваться благодаря языку и литературе, искусству и фольклору, религии и философии.

Произведение литературы, как зеркало, отражает состояние национального сознания в тот или иной момент его развития. И чем писатель талантливее, тем ярче выражается в его творчестве национальный дух – во всем его многообразии. Литературное произведение, таким образом, является проявлением национального сознания, его духовной практикой.

Филолог Р. Ф. Хасанов отмечает: «Наличие архетипических сюжетов и мотивов в башкирском историческом романе – также свидетельство его творческих связей с фольклором» [7, с. 18].

Национальную особенность литературного произведения выражают те или иные архетипы. Архетипы – это общие схемы, которые оказывают непосредственное влияние на подсознание читателя. В силу того, что башкирское сознание складывается в основном из двух пластов, то правомерно выделить языческие и мусульманские архетипы. Если языческие архетипы связаны с мифологией, с эпосами, со всем разнообразием фольклора, то мусульманские – с Кораном, с шариатом, с исламом. Языческие и мусульманские архетипы имеют много общего с архетипами других народов.

В творчестве башкирского писателя обязательно будет присутствовать влияние того или иного архетипа. Это зависит и от эпохи, в которой жил и творил художник, и от его индивидуальности. В произведении архетипы проявляются через образы, символы, аллегории, метафоры и другие поэтические средства. Художник делает это подсознательно.

Архетип – понятие родовое; образ, через который он раскрывается – видовое. Архетипы закладывались в генетическую память с древнейших времен.

Эпос «Урал батыр» полностью построен на философско-религиозной концепции зороастризма. Это и разделение Вселенной на две противоборствующие силы: добра и зла, это и свобода человека встать на тот или иной путь, это и победа добра над злом. Философ Д. Ж. Валеев «в своей работе “Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее” сделал конкретно-исторический анализ истории нравственного сознания башкирского народа. Он одним из первых обратился к произведению башкирского эпоса “Урал-батыр” как к сакральному памятнику. Здесь получили отражение космогонические воззрения башкир, поставлена проблема первоосновы мира» [1, с. 39].

Карл Густав Юнг предположил, что архетипы «имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику, да и ту лишь в весьма ограниченном виде. Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта. Напротив, его форму можно... сравнить с системой осей какого-нибудь кристалла, которая до известной степени преформирует образование кристалла в маточном растворе, сама не обладая вещественным существованием... Архетип сам по себе есть пустой, формальный элемент, не что иное, как способность преформирования, данная возможность оформлять представления» [10, S. 95-96].

Архетипы башкирского сознания в романе Даута Юлтыя

Классик башкирской литературы Даут Юлтый использовал архетипы башкирского сознания при создании своего известного романа «Кровь». Архетипы языческие наравне с мусульманскими служат ему для построения

собственной авторской картины мира. Использование архетипов является художественным приемом писателя. Автор обращается к глубинным пластам читательского сознания, вызывая в них картины ада или рая, другие более архаичные образы. Внутренняя жизнь героя романа, молодого башкирского интеллигента Булата, дана через художественно-философское осмысление действительности, через нахождение архетипов как чего-то надбытийного в хаосе жизни.

Литературоведы считают, что роман «Кровь» башкирского писателя с твердой убежденностью можно поставить наравне с такими крупными художественными произведениями о Первой мировой войне, как «Огонь» А. Барбюса, «Прощай, оружие» Э. Хемингуэя, «Похождения храброго солдата Швейка» Я. Гашека, «На западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка, «Чаша скорбная» Б. Тимофеева. Все эти романы объединяет одна важная особенность – автобиографичность, максимальная приближенность художественного мира к реальности» [8, с. 279].

«Как показывает Д. Юлтый в романе, война, из-за которой погибли миллионы, вызывает у народных масс и солдат резкий протест против бессмысленного кровопролития, рост классового самосознания и приводит к постепенному пониманию империалистического характера войны» [6, с. 151].

Читатели 30-х годов XX века и следующих поколений не обладали уже тем сознанием, тем мировоззрением, к которому обращался Д. Юлтый. Архетипы и образы, созданные писателем, не были опознаны ими в полной мере. Советский читатель, к сожалению, видел перед собой одноплановый натуралистический роман об ужасах империалистической войны и не более [3, с. 103]. Второго плана, ирреального, мистического советский читатель уже не видел, он был «слеп» к архетипам высокой духовной культуры. Даут Юлтый – писатель, чье эстетическое мировоззрение, поэтика формируются главным образом на основе башкирского национального сознания. Попробуем проследить, как взаимодействуют в его произведении языческие и мусульманские архетипы.

Тайнопись архетипов сознания автора

Роман открывается картиной зимы. Первое же слово «Зима» наталкивает нас на языческий архетип. Зима – это символ смерти. У многих народов зима связана со смертью и старостью. Первое слово задает тональность всей главе и всему произведению. «То ли все перепуталось в голове, но мне показалось, что заря занимается с запада. Интересно, почему светает отсюда? – обратился к Байгузе. – Кто его знает, – вяло отозвался он» [9, с. 7].

Солнце встает с запада, как известно по мусульманским и христианским источникам, в День Страшного Суда. Главу первую романа можно назвать на уровне подсознания или на уровне художественного сознания так: День Страшного Суда или Апокалипсис. «Мы идем по гладкому шоссе, по обочинам которого вкопаны тумбы и отлитые из бетона верстовые столбы» [Там же, с. 8]. Запасной батальон гонят на фронт по шоссе. На уровне подсознания Булата, главного героя романа, тумбы по обочинам дороги могут напоминать только каменные надгробия на мусульманских кладбищах. Кому же поставлены эти надгробные камни? Они поставлены солдатам этого запасного батальона. Ведь они, солдаты – живые мертвецы. Накануне их вымыли в бане (обряд обмывания покойников), выдали форму (обряд одевания покойников) и послали на смерть.

Внимательный читатель, хорошо знакомый с устным народным творчеством и канонами ислама, без труда обнаружит, что весь роман – это сплошная тайнопись архетипов.

Автор очень часто сравнивает безропотную солдатскую массу со стадом овец. На уровне мусульманского и одновременно языческого архетипов овцы приносятся в жертву. Обряд жертвоприношения. Солдаты – жертвы, обреченные на заклятие.

Вот батальон дошел до маленького городка Блуния, где «дома глядят на мир мертвыми квадратами окон» [Там же, с. 9]. Солдат поместили на ночлег в брошенном доме – там холодно и грязно. Но это лишь намек на могильный холод. Печать смерти медленно и уверенно проявляется на лицах солдат. Наутро настроение «у всех подавленное, нехотя переговариваются охрипшими голосами. Глаза пораспухли, плечи согнулись, лица поблекли, и юные солдаты смотрелись старцами» [Там же, с. 27].

Солдаты идут дальше к фронту. Слышится далекая канонада. «В момент где-то вдали раздались глухие, напоминающие удары грома, звуки. Они шли словно откуда-то из глубин земли. Иной раз казалось, что они раздаются очень близко» [Там же, с. 29]. «Будто земля под ногами солдат при каждом глухом звуке отдаленного выстрела обваливается, уходит из-под ног. А они сами тоже проваливаются, падают вниз, уходят вглубь. Падают все. Каждый беспомощен. Потому никто ни к кому не обращается, никто не ждет помощи... Какая-то бездна втягивает все и вся в свою бездонную пропасть. Словно весь мир и всех людей засасывает туда, и люди знают заранее, что будут поглощены, обречены на гибель...» [Там же, с. 29-30]. Этот отрывок из второй главы наполнен мистическим ужасом перед силами ада. Это отчетливый мусульманский архетип.

Глава третья развивает далее архетип ада. «Ночь. Весь запад, куда хватает глаз, горит багровым пламенем, напоминая огромное, протянувшееся на сотни километров пожарище. А ракеты, словно искры того пожарища, беспрерывно взывают ввысь и, падая, слепительно рассыпаются. Устремив в разные стороны яркие снопы лучей, прожекторы длинными языками обшаривают небо. При взгляде со стороны фронт кажется раскинувшимся морем огня» [Там же, с. 32]. Это и есть геенна огненная.

Булат – главный герой и рассказчик – человек интеллигентный, до войны учился в медресе, он пишет стихи, хорошо поет. Даже в минуты смертельной опасности герой остается в глубине души художником, готовым спуститься в ад и рассказать об увиденном людям. «Когда скользнет луч прожектора, я всматриваюсь в своих товарищей. Бумажными манекенами выглядят их лица. Мы не разговариваем. Наши глаза прикованы

к пылающему морю огня, а ноги, помимо нашей воли подчиненные общему потоку, несут нас по направлению к этому морю. Ни собственной головы на плечах, ни мыслей своих и ни сознания не чувствуем. Выглядим, словно живые куклы, засасываемые какой-то пучиной, и продвигаемся к ней. Вот-вот будем поглощены ею. Возврата для нас нет. Назад оттуда нам не вырваться, лишь, как сон, как мелькнувший в отдалении мираж, встает перед глазами прожитая жизнь, пройденные дороги и все то, что осталось позади. Мы лишены признаков жизни. Она давно покинула нас. Теперь мы движемся вперед, лишь увлекаемые силой той бездонной пучины, что тянет, как магнит» [Там же, с. 33-34].

Далее описываются девять кругов ада, через которые проходят солдаты – «живые мертвецы». Продвижение по траншее напоминает о кругах ада. Солдаты приближаются к какому-то мостику. «Медленно вступаем на мостик, перекинутый через небольшую речку. Немцы, словно почуяв это, стреляют по мостику. Посвистывают пули. Около мостика лежит человек двадцать убитых солдат» [Там же, с. 39]. Мост – тоже характерная деталь мусульманского мировоззрения. Не все смогут пройти по мосту в рай, согласно исламу. Солдаты в романе по нему попадают в блиндаж, который очень напоминает вырытую могилу.

Оказывается, что укрепления сделаны из солдат. «Окопы, в которых мы очутились, возведены как раз из такого материала. Внизу у основания окопов лежат люди, вернее трупы. Уложены они по-разному: иные боком, другие спиной, третьи – лицом. К трупам на позиции привыкли, ни чувства отвращения, ни жалости у солдат они не вызывают. А то, что спят, прислонившись к головам трупов, – это картина самая обычная. Хотя зимой и не бывает сражений со штыковыми атаками, от немецких пуль, бомб и снарядов солдаты гибнут ежедневно. Никто их не убирает и не хоронит. Как ненужный навоз, их каждый вечер выбрасывают за бруствер» [Там же, с. 43]. И вот в один из боев Булат получает ранение в руку. И здесь он встречает на перевязочном пункте пожилую сестру милосердия.

«Я долго не отрывал глаз, смотрел на нее и чувствовал, что она стала мне близкой, как мать, от нее веяло материнской любовью ко всем. На фронте, когда не видишь ни единой ласковой улыбки, под свист пуль и грохот снарядов душа человека гложет, черствеет. Теперь же, после разговора с сестрой милосердия, душа моя отошла, оттаяла, словно лед, попавший в огонь. Она совсем размякла. На глаза навернулись тяжелые слезы» [Там же, с. 59-60]. Сестра милосердия потеряла на войне двух сыновей и теперь старалась облегчать участь раненых. «Я смотрю на ее кожаную тужурку, блестящую в солнце, и проникаюсь все более глубокой любовью к ее матерински доброму сердцу» [Там же, с. 60]. В этом отрывке, несомненно, отражается глубокий образ солнца-матери, языческий архетип.

Войне и смерти Юлтый противопоставляет любовь. В его романе женские образы занимают важное место. Героинь, в которых влюбляется Булат, объединяет нечто общее. Чувство любви, переживаемое главным героем, выражено в произведении через формулу тепла. Героини, прекрасные девушки, сравниваются с солнцем, от них исходит тепло, согревающее душу. Как известно, в башкирском эпосе красавица Хумай – дочь солнца. Здесь отчетливо проглядывается языческий архетип [5, с. 126].

Обратимся к главе пятой или «воскрешению из мертвых». Друзья Булата, считая его погибшим, написали об этом в деревню родителям. Однако он жив, вместе с Новиковым Булата отправляют в тыл, в интендантство.

Глава шестая или «райская жизнь». Побывав во фронтовом аду, герои попадают в женский приют под Варшавой. Ирина и Женя – воспитанницы приюта назначили свидание Булату и Новикову. Юлтый в сцене свидания снова использует «формулу тепла». Мечта о мирной жизни, о доме, о счастье звучит музыкой в их сердцах. Сцена свидания отражает мусульманский архетип о небесных девах. Однако рай в шалаше был очень кратким. Солдат переводят в другое место.

Наличие конфликта в пластах сознания автора

Далее в 7-19 главах продолжаются приключения Булата и его друзей на войне. В главе двадцатой происходит встреча Булата с Марьям. Здесь мы попадаем на праздник польских мусульман – Ураза гайт. Булат встречается с девушкой Марьям Карашайской. Она очень красива и образованна, играет на пианино и хорошо поет. Марьям – настоящий ангел во плоти.

Чтение Корана на празднике изображено автором как лицемерный фарс, дань внешней благопристойности. А исполнение Булатом башкирской песни «Буранбай» – действительно сакральное действие, способное соединить сердца людей. Они не знают башкирского языка, но мелодия проникла им в душу. Это и есть настоящее духовное общение, сближение людей. Только искусство способно объединить всех людей во имя мира. Этот эпизод, когда все гости аплодировали Булату и просили спеть еще раз, показателен. Башкирское поэтическое начало здесь побеждает мусульманское.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Нам удалось, во-первых, прояснить авторский замысел, отражающий своеобразие творческого мышления писателя, который погружает вдумчивого читателя в мир войны и крови, а затем выводит его на светлый путь революционного обновления и спасения души; во-вторых, расшифровать тайнопись архетипов авторского сознания, состоящих из двух пластов: языческого

и мусульманского; в-третьих, установить наличие конфликта в этих пластах сознания автора. Вечные образы, связанные с архетипами героя произведения, живут и взаимодействуют в романе, иногда конфликтуют и сталкиваются. Это следующие образы: «небесная дева», «ад», «рай», «геена огненная», «живые мертвецы», «мать» и другие. Эти вечные образы отражают и собственное творческое мышление Даута Юлтыя, и мировоззрение башкирской интеллигенции того времени.

Тема исследования имеет перспективу для дальнейшего изучения как отдельных произведений Д. Юлтыя, так и в анализе всего творческого многообразия башкирской литературы.

Список источников

1. Ахмадиев Ф. В. Региональная специфика этических проблем в работах Д. Ж. Валеева и творчестве Д. М. Булякова // Проблемы востоковедения. 2009. № 1 (43). С. 39-42.
2. Башкирский народный эпос / сост. А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов. М.: Наука, 1977. 518 с.
3. Гареева Г. Н. Идеино-художественные особенности творчества Даута Юлтыя // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7 (49): в 4-х ч. Ч. 2. С. 103-105.
4. Илимбетова А. Ф. Культ птиц у башкир в свете духовного наследия народов мира. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 282 с.
5. Илимбетова А. Ф., Ахмадиев Ф. В. Хумай в фольклоре башкир и кыргызов в свете духовного наследия народов Евразии // Духовная культура башкир и кыргызов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 14 октября 2020 г.). Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2020. С. 126-133.
6. История башкирской литературы: в 4-х т. Уфа: Китап, 2014. Т. 2. Литература советского периода (1917-1955 гг.). 680 с.
7. Хасанов Р. Ф. Башкирский исторический роман: вопросы типологии, жанра и стиля: автореф. дисс. ... д. филол. н. Уфа, 2005. 55 с.
8. Хужахметов А. О., Гиндуллина Р. А. Роман Д. Юлтыя «Кровь»: поэтика художественного мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86): в 2-х ч. Ч. 2. С. 279-282.
9. Юлтый Д. Кровь: роман: в 2-х кн. / пер. с башк. С. Сафиуллина и Ю. Дудолкина; послесл. Г. Хусаинова. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1974. 447 с.
10. Jung C. G. Von den Wurzeln des Bewusstseins. Zurich: Rascher-Verlag, 1954. 681 S.

Информация об авторах | Author information

Ахмадиев Фарит Вафиевич¹, к. филос. н.

¹ Башкирский государственный университет, г. Уфа

Ahmadiev Farit Vafievich¹, PhD

¹ Bashkir State University, Ufa

¹ ahmadievf@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.02.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): архетипы; мировоззрение башкирского народа; Даут Юлтый; язычество; мусульманская религия; archetypes; the Bashkir people's worldview; Daut Yulty; paganism; Muslim religion.